

ИДА ГРАМКО

р. 1924

ВЕНЕСУЭЛА

Перевод с испанского Инны Чежеговой *

Иде Грамко было пятнадцать лет, когда она приехала из провинции в Каракас и ее стихи завоевали премию на поэтическом конкурсе, устроенном Латиноамериканской ассоциацией культуры. Премия давала право на публикацию книги. Так появился первый сборник стихов Иды Грамко «Порог» (1942). За ним последовали сборники «Наперекор обнаженному сердцу» и «Хрустальная комната» (1944), а в 1948-м — «Волшебная палочка», вольная поэтическая интерпретация известных детских сказок. В 1955 году в Мадриде вышел небольшой томик, объединивший стихи Иды Грамко 1947—1952 годов, «Волшебную палочку», пьесу для детей «Дочь Хуана Паломо» и драму «Белён Сильвера».

Процесс творчества для Иды Грамко — процесс мучительный: «Боюсь, я никогда не пойму, что значит радость слова, — писала она, — сокровенное живет во мне, не выплескиваясь наружу, ибо я не знаю, где прячется заветное слово». Мучительные поиски слова порой делают лирическое «дыхание» в ее стихах несколько прерывистым, затрудненным, но одновременно это придает ее лирике внутреннюю энергию, напор, ибо поэтесса не может не выразить того, чем обуреваема ее душа. И, выражая, она словно карабкается на горную вершину, осторожно пробуя то один, то другой образ над бездонными пропастями мечты и реальности: «...плач мой // с места меня поднимает, // заставляет лезть, задыхаясь, // все выше...» По форме стихи Иды Грамко — верлибры, тяготеющие к белому стиху, с ассонансами и перемежающимися длинными и короткими строками, что сообщает ее лирике несколько однотонную музыкальную речитативность. Однако это мелодическое однообразие компенсируется метафорическими «перепадами», связанными с поисками словесного воплощения ее поэтической мысли. Метафорическая фантастичность поэзии Иды Грамко, по выражению одного из критиков, «похищена у сновидений и природы»; творчество для нее

---

* Ида ГРАМКО — Лирика (*Перевод с испанского и вступление Инны Чежеговой*) // *Созвездие лиры* (М.: Художественная литература, 1981), 211–218.

Некоммерческое электронное издание. «Im Werden Verlag», 2009.
<http://imwerden.de>

— «чародейство», «размыкающее уста красоты», но ему нужно отдать все силы: только тогда есть надежда «воспарить свободно в пространстве» Поэзии.

Гармония слез

Фрагменты

* * *

Что я собой представляю?
Покой, омраченный слезами.
А раньше была я глазом —
открытым, влажным и жадным.
А чем быть должна я? — Плачем.
Покуда жива. И плач мой
с места меня поднимает,
заставляет лезть, задыхаясь,
все выше, туда, где сияет
вершина горы голубая.
А там меня ждет награда:
улыбка — цветок прекрасный
и выросший мне на радость!
Я, плача, цветок срываю:
во мне он — маленький, слабый,
а здесь он — гордый и яркий.
Он дарит меня ароматом,
и сквозь слезы я улыбаюсь.

* * *

Со спящим сердцем моим говорю я:
«Проснись, — говорю, — скорее
и мягко плодом созревшим и круглым
упади, мое сердце, на землю!
Пусть птицы тебя расклюют, но лучше
пусть руки детей и женщин
тебя подберут. И тому, кто измучен
жаждой, сердце, отдай свою свежесть!
Чтоб ты упало, дрожать я буду,
словно под ветром дерево.
О сердце, которым зову и люблю я,
живое и алое, — оставь мое тело!
И пусть открыто и жадно губы
жизни к тебе прикоснутся, сердце!»

* * *

Я слышу, как гудят прощаньем корабли
и поезда, пускаясь в дальний путь
в чужие страны, к берегам чужим.
Как ухо исполинское, душа
прислушивается к твоим шагам,
улавливая в них сигнал к прощанью,
к несовпаденью нас с тобой в пространстве.
Твое исчезновенье постигаю
в порту тоски, на станции печали.
Смертельно бледная, стою одна
на всех перронах и на всех причалах,
зову тебя среди столпотворенья
нахмуренных мужчин и пылких женщин,
чьи руки и платки, белея, плещут
и, словно навсегда прощаясь,
сливаются в огромный саван.
На всех вокзалах и на всех причалах,
прощаясь, все целуются так жадно,
как будто впереди крушенье...
Вот поезд тронулся, пришли в движенье
вагоны, и в одном из окон
мне чудится твое лицо, как в раме
портрет печальный...
Вокруг снует толпа,
и голосов невнятен гомон.
Ах, отчего мне кажутся вагоны
плывущими гробами? Слышу я
слабеющие оклики свои —
последнюю попытку удержать
тебя еще хотя бы на мгновенье...
А пальцы, лепестками роз дрожа,
к твоим невидящим обращены глазам.
Но ты,
застыв,
как изваянье,
призываю чуждый,
чуждый розам дрожи,
перроны и причалы покидаешь.
Я остаюсь среди толпы смятенной,
с глазами, устремленными в пространство,
как черное надгробье дыма,
как белое надгробье пены.

* * *

Вырви меня вместе с высохшими корнями,
дай воспарить мне свободно в пространстве,
где ветры гуляют,
где словно в извечном родном
материнском лоне
можно укрыться от страха...
Дай с птицами вместе
разгадывать тайны,
что скрыты от взгляда.
Там за небесным пределом загадкой незримой
высится дерево. Кружатся, кружатся птицы,
дерево ищут, надеясь,
что шелестом листьев
рано или поздно само себя дерево выдаст.
Шелестом листьев...
Но птицам ли в птичьей их жизни,
столь немудреной, постичь то, что непостижимо?
Им ли скорбеть о том, чего нет в этом мире?
Дай же подняться мне ввысь:
я пою, чтоб задумались люди
о том, чего нет и не будет —
о звезде, похороненной в тучах.
И дерева тень голубая,
вырастая, меня обнимает.
Отпусти меня на свободу:
здесь печальным цветком я вяну...
Ты можешь сломать мой стебель,
оборвать лепестки и лишить
аромата... Но дай мне свободу!

* * *

Невыразимое иносказанье —
молчанье.
Но сквозь него к нам рвутся голоса
со всех сторон:
ведь в каждой вещи,
нас окружающей,
свой мир, и хочет он
открыться нам,
стать нашим и поведать
нам тайну,
ту, что в нем заключена.
Ведь немота вещей не мертвая.
Она
жива.
И это мы вокруг
бежим, спешим, кричим и суетимся,

не постигая языка вещей,
простого, сильного, живого...
Но каждый миг мы чувствуем невольно
не разумом, скорей душой и телом,
движенье губ, движенье губ вселенной...
Услышьте же, всеильные поэты,
кудесники стиха, владыки слов,
услышьте этот тихий, робкий зов,
звучащий мерно, глухо, сокровенно!
На дне фонтана, в глубине зеркал
ужель никто ни разу не видал
улыбки там живущего певца?
Вы воспевать готовы без конца
колонны, фризы, капители,
но стал ли вам хоть на единый миг
понятен их таинственный язык?
В любом цветке, в любой травинке
живет поэт... Они творят без слов
простым движеньем, дрожью, колебаньем,
и к нам в сердца их древний, вечный зов
прорваться хочет сквозь иносказанье,
невыразимое в словах —
молчанье.

Сестра моя, улитка

Фрагменты

* * *

Сестра моя, улитка,
мое подобие, но все ж — улитка...
Твое обличье так изящно-лаконично:
в нем нет изъянов и в нем нет излишеств.
А в человеческой душе всего избыток:
каких там только нет зигзагов и извивов!
То нет предела ей, то до предела сжата,
то всем пресыщена, то вновь чего-то жаждет...
И там, где мы живем, — как от сквозного ветра,
от собственной души нам никуда не деться!
И в наших раковинах стены из известки —
мы их изобрели. Но для чего? Чтоб просто
прибавить к сумме наших одиночеств
еще одно. Как, снова расставанье?
Молчи, любовь: все наше — там, вдали.
Коснись размытых черт, лови, что уловимо.
«Люблю, люблю!» — твердит мне чистый лист.
Лишь беспредельное — неповторимо.

* * *

Я предвкушаю чародейство. Только б сил
хватило. Красота
нам разомкнет тогда свои уста,
и, в кратер красоты
проникнув глубже,
найдем мы все открытым и знакомым,
увидим землю наконец в покое
желанном. Увенчаем розой —
короткой передышкой в наших бедах —
страсть, столь искусную в сражение
за малое и за великое,
за то, чтоб было что-то впереди
у каждого из нас.
Для красоты — вчера, сегодня, завтра —
все вечность. Вечно каждое мгновенье.
И жизнь для красоты должна быть вечной:
все то, что умирает, — предает.

* * *

Нет времени уже...
Пока царит покой
и укрепился поцелуй на троне,
спасен теплом домашних очагов, —
пусть свет возобладает над пожаром!
Мы заточим огонь в колпак стеклянный,
чтоб он забыл про буйство и поджоги,
чтоб в мире от него была лишь польза.
И пусть пылает факелом свободы.